

Тема семинара

Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики

Доклад

В окрестностях Нового Константинополя,
или восточнохристианская цивилизация
перед лицом новейшего мирового хаосо-порядка

А.Н. Окара, кандидат юридических наук

В условиях общемировой политической турбулентности, в условиях переформатирования основ мироустройства и возникновения новейшего миропорядка, в условиях уплотнения социального времени и рождения будущего в ускоренном режиме, цивилизационная идентичность представляется не только теоретически значимым концептом, но и самой что ни на есть практически актуальной проблемой — как в ценностно-дискурсивном, так и в политическом измерении.

Цивилизация как проблема, возможность и политтехнология

Современная глобальная политическая ситуация свидетельствует, что именно цивилизационный фундамент является предпочтительной и довольно эффективной почвой

для консолидации стратегических интересов национальных государств, поскольку именно на цивилизационном уровне формируется ценностный ряд — особый извод универсальных представлений. Отрефлексированная принадлежность тех или иных стран к определенной цивилизационной общности позволяет им преодолевать двойные стандарты во взаимоотношениях, формировать устойчивые военно-политические и геоэкономические союзы, выстраивать долгосрочные стратегические отношения и заниматься иным геополитическим конструированием.

Кроме того, именно в масштабе цивилизационного и мир-системного анализа может быть порождено новое системное видение будущего и сформулированы те или иные глобальные миростроительные проекты — стратегии модернизации и программы долгосрочного развития человечества, претендующие на универсальность.

Поиск и разработка новых форм и форматов наднациональной коллективной идентичности — одна из важных задач политики, дипломатии, а также социальной философии и иных социогуманитарных наук.

Глобализация умаляет значение политических институтов и форм мироустройства эпохи Большого Модерна, уменьшает роль национальных государств, универсальных идеологий, международного публичного права, ООН как системы глобальной безопасности; на первый план в международных отношениях выдвигаются государства-системы (США, ЕС, Китай), международные организации, военно-политические союзы, транснациональные корпорации, неформальные субъекты управления.

В основе цивилизационной идентичности лежат прежде всего культурные, религиозные, экзистенциальные, трансцендентные ценности и представления, которые в контексте эпохи Модерна не рассматривались в качестве приоритетных. Так же и цивилизационные общности не рассматривались в качестве консолидированных и влиятельных субъектов меж-

дународной политики. Поэтому постепенное завершение Модерна и размывание его ценностей в конечном итоге в последние полтора десятилетия привело к актуализации цивилизационного дискурса — усилению внимания к цивилизационной идентичности, распространению аналитической матрицы «столкновения цивилизаций». В социогуманитарных науках цивилизационный подход вытеснил марксистский стадильный анализ; все больше распространяется мнение, что он способен не только эффективно описывать текущие процессы мировой политики, но и моделировать будущие катастрофы — вплоть до мировой войны.

Россия, Украина, Беларусь и иные культурно родственные страны в настоящий момент находятся на модернизационном и цивилизационном раздорожье — пребывают в состоянии поиска своего места в мире настоящего и будущего, поэтому актуальность цивилизационного самоосознания для них крайне велика.

Ниже мы попытаемся комплексно проанализировать культурно-цивилизационные особенности стран восточнохристианского ареала и смоделировать варианты эффективного развития в условиях глобальной социально-политической турбулентности.

Для этого необходимо:

- определить — что есть цивилизация в современном научном и политическом понимании;
- указать признаки, по которым производится идентификация реально существующей общности как цивилизации;
- выявить актуальный дискурс цивилизационной идентичности в современном культурно-политическом сознании и социогуманитарных науках.

А также применительно к восточнохристианской цивилизации следует:

- описать ее конституирующие признаки и географический ареал распространения;

- обозначить люфт возможностей и пределы осуществления модернизационных и постмодернизационных проектов;
- выявить ее конкурентные преимущества и слабые стороны;
- описать ее ресурсы «мягкой власти»;
- смоделировать возможные продуктивные геополитические и геоэкономические проекции восточнохристианской цивилизационной идентичности.

Разумеется, подобного рода исследования особо нуждаются в максимальном освобождении от культурных, идеологических, этнических, религиозно-конфессиональных, мифогенных, мессианских, утопических пристрастий самих исследователей, иначе аналитический дискурс рискует оказаться заложником апологетики, скепсиса либо уничижительной критики.

Цивилизационная проблематика остро нуждается в переведении из категории мировоззренческого, догматического и мифологического знания в категорию знания социально-теоретического и проектного.

Это тем более актуально, что цивилизационная идентичность на постсоветском пространстве многими заинтересованными лицами нередко рассматривается как средство, а не цель и содержание деятельности. Отсюда попытки использовать ее в качестве манипулятивной политической технологии, направленной на решение утилитарных задач; при этом цивилизационная проблематика и риторика часто служат «прикрытием» для продвижения тех или иных интересов. В ряде случаев это приводит к обратному эффекту — ослабляется уровень солидарности и кооперации внутри восточнохристианского цивилизационного сообщества, маргинализируется сама цивилизационная тематика¹.

¹ К примеру, нередко представители Беларуси, Украины и Грузии обвиняют Россию, представители Македонии — Болгарию, Сербию и Грецию, представители Черногории — Сербию, представители Молдовы — Ру-

Цивилизационная идентичность в современном сознании и социогуманитарных науках

Цивилизации являются более устойчивыми ассоциациями, чем империи, национальные государства и культурно-языковые общности. Цивилизацию принято рассматривать как самый высокий уровень культурно-ценностной консолидации; однако следует отметить, что цивилизация — это не застывший во времени «культурно-исторический тип», а живой процесс. В современных социогуманитарных науках нет единого общепризнанного подхода к пониманию этого феномена, нет универсальной методологии для его описания, нет определения, способного удовлетворить хотя бы половину исследователей, нет даже консенсуса по поводу того, уместно ли говорить о цивилизации в единственном числе или о цивилизациях — во множественном.

Можно выделить четыре основные направления в истолковании сущности цивилизации и в употреблении этого понятия.

Во-первых, идущее от французского Просвещения понимание «цивилизации» со знаком «плюс» — как буржуазности, городского способа жизни, образованности; она противопоставляется первобытной дикости, варварству и «нецивилизованности».

Во-вторых, характерное для немецкой научной и философской традиции понимание со знаком «минус»: «цивилизация» — это результат неизбежного вырождения и смерти культуры, это вытеснение искусственной реальностью органического и творческого начала.

В-третьих, понимание «цивилизации» по аналогии с общественно-политической формацией — как этап в развитии человечества, выделенный по критерию основного соци-

мынию и Россию – в попытках под видом развития цивилизационной идентичности осуществлять культурную экспансию, продвигать и отстаивать сугубо этнокультурные, геополитические или даже экономические интересы.

ального конфликта. Элвин Тоффлер в теории «трех волн» обуславливает последовательную смену аграрной, индустриальной и сверхиндустриальной (постиндустриальной, информационной) цивилизаций развитием технического прогресса, а не производственных сил и производственных отношений, как в марксизме.

В-четвертых, популярное в англосаксонской литературе понимание «цивилизации» как культуры, точнее, как локальной общности («историко-культурного типа», «метакультуры»), отличающейся от иных аналогичных общностей по ценностям, религиозным, языковым и иным значимым параметрам. Эта линия интеллектуальной преемственности развивается полтора столетия в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби, Ф. Броделя, С. Хантингтона и др.

В таких достаточно разных перечисленных подходах к пониманию и определению цивилизации есть общая установка, заданная идеологией Просвещения (именно из недр этой эпохи и родилось само слово): цивилизация (будь то локальная общность, будь то состояние общества) — это *достаточно сложно организованная реальность, стремящаяся к универсальности*.

В нашем исследовании речь идет о цивилизациях как локальных общностях, выстроенных вокруг общих ценностей. Если в традиционном обществе отождествление цивилизации и религиозной общности еще может быть как-то оправдано, то в современном мире цивилизационная идентичность не тождественна ни религиозно-конфессиональной, ни культурной, ни этнической, ни расовой, ни языковой идентичностям, хотя эти и иные факторы участвуют в ее создании.

Фернан Бродель попытался посмотреть на феномен одновременно с точки зрения различных наук: в его понимании цивилизация — это и геокультурное пространство, и общественная формация, и экономический уклад, и коллективное мышление².

² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 39–53.

Питирим Сорокин отмечает, что большинство цивилизаций — это не столько «культурные системы», сколько крупные «социальные общности» (социальные системы), сложившиеся на основе центрального ядра, состоящего из культурных смыслов, ценностей и норм или интересов, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей³.

Шмуэль Эйзенштадт определяет цивилизацию как историческую серию попыток сконструировать общественную жизнь в соответствии с онтологическим видением, которое соединяет концептуальные представления о космосе, поту — и посюсторонней реальности, с регуляцией основных сфер общественной жизни и взаимодействия между политикой, авторитетом, экономикой, семейной жизнью⁴.

Следует отметить, что цивилизационная идентичность — это не просто раз и навсегда данные количественные характеристики той или иной социальной общности, это качественное измерение, подверженное трансформации во времени — усилению, ослаблению, изменению. Поэтому главный критерий цивилизации — это наличие определенного набора *трансцендентных представлений о бытии, об абсолютной реальности, о времени, вечности, смысле существования* и т. д. Ключевой момент в определении сущности той или иной цивилизации — исследование ее «*сакральной вертикали*», т. е., по определению В.Л. Цымбурского, религиозных или идеологических представлений, соотносящих культурную, геополитическую и социальную практику с Абсолютом, с высшей трансцендентной реальностью⁵.

³ Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1998. С. 49–50.

⁴ Eisenstadt S.N. Jewish Civilization: The Jewish Historical Experience in a Comparative Perspective. NY., 1993. P. 13.

⁵ Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // В.Л. Цымбурский. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. С. 212; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

В эпоху позднего Модерна, когда фундаментальная наднациональная идентичность определялась идеологическими и геополитическими факторами, цивилизационная идентичность находилась на периферии общественного сознания — к ней можно было относиться как к организму — объективно существующей данности. Но в новую эпоху, когда она приобрела первостепенное значение, ее можно рассматривать с точки зрения конструктивистской методологии — как *большое «воображаемое сообщество»* — по аналогии с известной теорией нации Бенедикта Андерсена. Такое сообщество считается воображаемым, потому что его представители никогда не будут иметь никакого понятия об абсолютном большинстве иных его представителей, но в сознании каждого из них будет жить *представление об их сопричастности*⁶.

Но пределы конструирования цивилизационных сообществ крайне узки — на пустом месте их сконструировать невозможно. Но там, где предпосылки действительно существуют, их можно подкорректировать — развить, акцентировать, подкорректировать, заглушить.

Таким образом, современную цивилизацию можно определить как *процесс по поддержанию универсальной картины мира, наднациональной идентичности и жизненного порядка у локализованной социальной общности на основе общих трансцендентных ценностей и эмпирических представлений, а также культурных и социальных практик.*

Сложнее всего выявить «сакральную вертикаль» западной (западнохристианской) цивилизации, поскольку Запад в течение последних веков наиболее последовательно претендовал на универсальный статус и являлся главным «локомотивом» проекта «Модерн». Именно в западной цивилизации произошла подмена трансцендентного и непостижимого Абсолюта Разумом как высшей ценностью, что, в свою очередь, привело если не к уничтожению, то к размыванию «сакраль-

⁶ Андерсен Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ, 2001. С. 22.

ной вертикали». В результате, в контексте западной цивилизации религиозные ценности утратили свое потустороннее измерение, а сугубо секулярные идеологические ценности свободы, демократии, прогресса, рациональности, защиты частной собственности, верховенства права, разделения властей, прав человека приобрели универсальный характер и почти религиозный статус.

В условиях восточнохристианской цивилизации право, правовое государство, гражданское общество, права человека, идея развития и прогресса также являются несомненными социальными ценностями, однако ценностями инструментальными — в отличие от западной цивилизации, где они стали объектами поклонения. Хотя в культурах и философских традициях православных стран оригинальная социально-философская и философско-правовая тематика занимает меньшее место, чем на Западе⁷. Идеологические и политические попытки концептуализировать «самобытность» и «оригинальность» восточнохристианской идентичности путем отказа от права, правового государства, гражданского общества и иных ценностей и институтов Модерна ведут к архаизации и глобальному проигрышу⁸. По-видимому, создание по-настоящему оригинальных социальных доктрин на основе ценностей восточнохристианской цивилизации — важная задача будущего, поскольку от ее решения зависит уровень развития общественных отношений. Но, разумеется, слепое копирование западных институтов и отношений в Восточной Европе не приносит ожидаемого эффекта.

⁷ В качестве исключения можно рассматривать наследие русской религиозной философии (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, С.Л. Франк, Н.О. Лосский) и российской школы философии права (П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, Б.А. Кистяковский): в трудах их представителей еще в начале XX в. была предпринята грандиозная и до сих пор не осознанная в должной мере попытка создания оригинальной синтетической теории общества, государства и права.

⁸ Капустин Б. «Цивилизация» как идеологический конструкт // Русский Журнал. 2008. № 3, осень. С. 153.

Цивилизация «русская», «российская», «славянская» или «восточнохристианская»?

Кризис Большого Модерна и его ценностей актуализирует в общественном и политическом сознании проблему восстановления «сакральных вертикалей», пробуждения и усиления цивилизационных идентичностей. Самуэль Хантингтон, чья концепция «столкновения цивилизаций» оказалась чрезвычайно созвучной кризису институтов и ценностей Модерна, а потому и востребованной, выделяет в современном мире восемь больших цивилизаций: синскую (китайскую), японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и африканскую⁹. При всем схематизме такого деления и спорности вопроса о том, являются ли Западная Европа, Северная Америка и Южная Америка отдельными цивилизациями либо тремя субцивилизациями единой западной цивилизации, согласимся с выделением восточнохристианской цивилизации именно как отдельной цивилизации, а не субцивилизации Запада или «единой Европы», как это часто происходит в российской социогуманитарной мысли.

Одним из концептуальных вопросов является адекватное именование восточнохристианской цивилизации, поскольку неадекватное именование размывает критерии цивилизационного дискурса, подменяя его этническим, геополитическим, религиозным.

Следует подчеркнуть, что говорить о «православной» цивилизации не совсем точно по трем причинам. Во-первых, в словосочетании «православная цивилизация» происходит отождествление цивилизации и конфессионального пространства — цивилизация ошибочно приравнивается к религии. Во-вторых, восточное христианство не сводится лишь к православию — не все восточные христиане являются православными: абсолютное большинство армян — мо-

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 54–60.

нофизиты, часть украинцев-галичан и румын — греко-католики, часть великорусов — старообрядцы, однако все они принадлежат к восточнохристианскому культурному и цивилизационному ареалу. В свою очередь, принадлежность к нему белорусов-римокатоликов вызывает дискуссии. В-третьих, относящиеся к этой традиции страны являются секулярными; «сакральная вертикаль», связывающая социально-политическую практику с трансцендентной реальностью, в них все-таки надломлена, церковь отделена от государства и не играет определяющей, а нередко и вообще сколь-нибудь заметной роли в жизни обществ (за исключением Греции), поэтому точнее было бы говорить не о «православном», а о «пост-православном» сообществе. Оптимальным и корректным представляется определение цивилизационной общности как «восточнохристианской» или «восточноевропейской»¹⁰.

В социогуманитарной науке и политической публицистике существует несколько различных подходов к интерпретации цивилизационной идентичности России. Ряд авторов считает Россию государством-цивилизацией, подобным Китаю, Индии и Японии, и ведут речь о «российской» либо «русской» цивилизации. Иные, не отождествляющие цивилизационную общность и страну, говорят о «православной», «славяно-православной», «советской», «славянской», «восточнославянской», «евразийской» цивилизациях, о «русском мире». Аналогично, в исследованиях украинских авторов можно встретить упоминание об «украинской» цивилизации, у сербских и хорватских авторов нередко речь идет о «югославской» или о «балканской» цивилизациях. Однако в этих случаях за критерий берутся отдельные признаки —

¹⁰ Несмотря на то, что словосочетания «восточнохристианская цивилизация» и «восточноевропейская цивилизация» следует рассматривать как синонимы, над последним довлеет стереотип послевоенного употребления, когда им обозначались европейские социалистические государства, находившиеся в зоне советского влияния.

конфессиональный, этнокультурный, языковой, геополитический.

Россию в современных границах (Российскую Федерацию) в цивилизационном отношении следует рассматривать как одно из ядер восточнохристианской цивилизации и как одну из ее ключевых стран, где имеются вкрапления исламской и буддийской цивилизаций, а также территории с неустойчивой восточнохристианской идентичностью (Сибирь и Дальний Восток).

Выделение именно восточнохристианской цивилизации в идеале снимает и актуальный для каждой из православных стран болезненный вопрос о ее принадлежности / непринадлежности к Западу / Востоку. В национальном самосознании разных стран этот вопрос формулируется примерно следующим образом.

Что есть Россия: «самая восточная часть Запада» или «самая западная часть Востока»?

Что есть Украина: «форпост Западной Европы на Востоке» или «юго-западная линия обороны Востока от Запада»?

Что есть Беларусь: «polskie kresy wschodnie» или «западные губернии России»?

Что есть Греция: «не-совсем-Запад» или «прародина Европы»?

Что есть Сербия: «изгой Запада», «Европа третьего сорта» или «балканский Восток»?

Эти и подобные вопросы являются определяющими для самосознания православных стран, поскольку в них фиксируется образ Запада, Западной Европы как «значимого Другого», в диалоге с которым определяются параметры собственной идентичности. Так же в них фиксируется и представление о собственной ущербности и отсталости — в сравнении с Западом.

Восточнохристианская цивилизация не есть Запад — в том смысле, в котором им является западнохристианская цивилизация, и не есть Восток — в том смысле, в котором

им являются исламская и иные цивилизации Азии. Но, тем не менее, и восточнохристианская, и западнохристианская цивилизации произрастают из одного корня — из античной греко-римской цивилизации. Как отмечает В.М. Межуев, Рим сделал главную ставку на рационально-правовые формы организации общественной жизни, которые можно определить как «всемирное гражданство» и «мировое гражданское общество»¹¹. Античный универсализм был заложен и в одну, и в другую цивилизационные матрицы. Христианство добавило в каждую из них еще и духовный универсализм.

Однако если универсализм западной цивилизации стал, начиная с XV–XVII вв., основой проекта «Модерн», то универсализм восточнохристианской цивилизации реализовался в Византийской империи и затем — в достаточно причудливых формах — в Советском Союзе. К основополагающим признакам универсализма следует причислить и *идею развития*, у которой также два источника: античность и христианство.

Так что на данный момент универсализм, проекты будущего, которые хотелось бы реализовать и вовлечь в него все человечество, претензии на универсальность и общезначимость тех социальных инноваций, которые способны породить православные страны, — это ресурс возможностей восточнохристианского мира, которым, правда, пока не особо спешат воспользоваться.

Принципиально важным является вопрос о месте СССР в истории развития восточнохристианской цивилизации. Советский Союз, политический и геополитический продолжатель Российской империи, можно определить шпенглеровским термином «псевдоморфоза» восточнохристианской цивилизации, под которым понимается несовпадение внешней культурной формы и ее глубинного содержания. Октябрьскую революцию 1917 г. и установившийся после нее

¹¹ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006. С. 341.

большевистский режим допустимо интерпретировать как аналог западной Реформации. В новом коммунистическом культе в «перевернутом» виде воспроизводились основные христианские ритуалы, эсхатология «светлого будущего», «рая на земле», а мессианство Третьего Интернационала вполне сравнимо с третьеримским. Примечательно, что после Второй мировой войны Советский Союз целенаправленно включил в орбиту своего геополитического и идеологического влияния — в «социалистический блок» — все страны восточнохристианского ареала, за исключением Греции и Кипра, интегрировать которые не удалось по стечению ряда обстоятельств.

В общемировом контексте тема цивилизационной идентичности, концептуализированная Хантингтоном как «столкновение цивилизаций», фактически была использована США для легитимации собственного статуса как «единственной мировой сверхдержавы». Трагедия с террористической атакой на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г., интерпретированная сквозь призму этой концепции, стала политическим основанием для американских «контр-террористических» операций в разных точках Земли, для войн США в Афганистане и Ираке, а также для повышения привлекательности западной цивилизации и вовлечения постсоветских и посткоммунистических стран в орбиту американского влияния. По большому счету, концепцию Хантингтона в вульгаризированном виде, растиражированную в масштабе общемирового информационного пространства, можно рассматривать как «когнитивное оружие» — инструмент американской «мягкой власти», пропагандистскую спецоперацию, «мыслевирус», исказивший картину реальности. При этом сам Хантингтон, отстаивающий в духе мультикультурализма принцип множественности локальных цивилизаций, статусом универсальной наделяет лишь западную цивилизацию. В его концепции Запад не только узурпирует морально-нравственное и социально-политическое содержа-

ние современности, но и получает санкцию на «коррекцию реальности». Характерно, что именно односторонние действия США и НАТО против Югославии весной 1999 г. зафиксировали в общественном сознании матрицу «столкновения цивилизаций» и актуализировали ощущение цивилизационной солидарности в восточнохристианском мире, подтолкнули к осмыслению себя самих в качестве общности¹².

Географический ареал восточнохристианской цивилизации

Границы цивилизаций, как и границы государств, изменчивы во времени. Однако, в отличие от государственных границ, цивилизационные границы расплывчаты и не имеют строгих очертаний. Цивилизационные ядра и территории с устойчивой цивилизационной идентичностью окружены лимесами (цивилизационными окраинами) и лимитрофами (межцивилизационными пространствами); в современном глобализующемся мире в условиях нового великого переселения народов представители самых разных цивилизаций могут проживать совместно на одной территории длительное время и сохранять свойственные им культурную, религиозную, цивилизационную и даже языковую идентичности.

¹² Примечателен общий заголовок, под которым во время военной агрессии НАТО против Югославии в приложении к «Независимой газете» от 25 августа 1999 г. вышла подборка материалов, посвященных восточнохристианской идентичности в различных странах: «Восточная Европа: кризис идентичности. Он вызван войной в Югославии и сделал актуальным византийское наследие». См. также: *Окара А.Н.* Национальные интересы в эпоху «столкновения цивилизаций» // *Полис*. 2000. № 1. С. 85–86; *Он же*. Тутэйшыя: «Северо-Западный край» ці «Kresy Wschodnie»? // *Беларускі Гістарычны Агляд*. Т. 7. Сш. 1 (12). Менск, 2000. С. 117–124; *Он же*. Украина в поисках поствизантийской идентичности // *Восточнохристианская цивилизация и восточнославянское общество в современном мире*. М., 2001. С. 165–182.

Представляется, что по состоянию на настоящий момент пространство восточнохристианской цивилизационной общности состоит из территорий современных независимых государств, в которых восточное христианство исповедуется подавляющим большинством населения и исторически является основой национальной или государственной идентичности. К таковым относятся: Армения, Беларусь, Болгария, Греция, Грузия, Кипр, Македония, Молдавия, Россия, Румыния, Сербия, Украина, Черногория.

Окраинами восточнохристианской цивилизации можно считать ареалы распространения православия на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северной Америке и некоторых других регионах, а также ареалы распространения древних восточнохристианских церквей (монофизитских и несторианских) в Эфиопии, Египте и на Ближнем Востоке.

Единственной относительно влиятельной международной организацией, объединяющей страны на основе восточнохристианской цивилизационной идентичности, является Европейская Межпарламентская Ассамблея Православия со штаб-квартирой в Афинах, постоянными членами секретариата которой являются Греция и Россия, а генеральным секретарем — исключительно представитель Греции. За время ее существования (с 1994) ее членами были представители парламентов — Австралии, Албании, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Греции, Грузии, Иордании, Казахстана, Кипра, Латвии, Литвы, Молдавии, Палестины, Польши, России, Румынии, Словакии, США, Уганды, Украины, Финляндии, Чехии, Эстонии.

«Осевыми» (по Тойнби) или «стержневыми» (по Хантингтону) государствами, «ядрами» восточнохристианской цивилизации в современном мире следует считать Грецию, Россию и Украину.

Грецию — как непосредственную наследницу Византийской империи, как носительницу греческого языка, греческой культуры и греческой этнокультурной идентичности, как очаг и своеобразный культурный эталон православия.

Россию — как преемницу Византии и единственное на протяжении нескольких веков независимое православное государство, как современную страну православной культурной традиции, претендующую на статус сверхдержавы.

Украину — как центр наиболее значительной рецепции православного христианства в средневековом мире, как прямую наследницу Древней Киевской Руси, как генератор церковной и светской модернизации для всего славянского мира в XVII — X — VIII вв., как самую большую в современном мире страну по числу православных верующих с высокой интенсивностью религиозной жизни.

До середины XV в. единственным «осевым» государством, митрополией православного мира являлась Византия. Ее падение в 1453 г. завершило эпоху, когда православный мир был мощнейшим генератором культурных инноваций и цивилизационных импульсов.

Ареал распространения восточнохристианской цивилизации можно обобщенно именовать Восточной Европой — в противовес Западной и Центральной Европе. Во время холодной войны деление Европы на Западную и Восточную осуществлялось по политико-идеологическому принципу: капиталистический Запад — это зона американской оккупации во время Второй мировой войны и последующего влияния США, это блок капиталистических стран, большинство из которых — члены НАТО; социалистический Восток — это зона советской оккупации, это блок социалистических стран — членов Варшавского договора и СЭВ.

После распада соцлагеря, исчезновения СССР, декоммунизации и окончания холодной войны в политической и научной среде возобладало мнение, что геокультурную идентичность на европейском континенте — да и во всем мире — следует определять не по принадлежности стран к социалистическому или капиталистическому блокам, а по иным основаниям — цивилизационным. Так, Западной Европой следует именовать романо-германские и англосаксон-

ские страны, для которых историческими религиями являются католичество и протестантизм (к этой же общности уместно также причислить Финляндию, но неуместно причислять членов ЕС — Грецию и Кипр). Центральную Европу в таком случае следует рассматривать как цивилизационную окраину Западной Европы — это страны западнохристианского ареала, но не принадлежащие к семьям романо-германских и англосаксонских народов (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, а также Эстония, Латвия и Литва; открытым остается вопрос о принадлежности к центральноевропейскому ареалу преимущественно исламских Албании и Боснии и Герцеговины). Таким образом, Восточная Европа в современном актуальном понимании — это не социалистическая Европа Варшавского договора, а Европа восточнохристианской традиции.

Именно вызов Запада является базовым и определяющим для России, Украины, Беларуси. Для Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Грузии, Армении, наряду с вызовом Запада, на протяжении нескольких веков определяющим был вызов Юга — Оттоманской Порты. В российской общественной мысли и экспертном сообществе еще с первой трети XIX в. и до настоящего времени одним из фундаментальных вопросов, конструирующих и программирующих национальное самосознание, считается вопрос о Западной Европе («Западе») как об образе «значимого Другого», отраженная субъектность которого влияет на формирование собственной идентичности.

По отношению к этому европейскому «значимому Другому», а в предыдущие века также и по отношению к Оттоманской Порте, российскими интеллектуалами и политиками выстраивались геополитические и концептуальные консолидационные проекты вокруг Российской империи. Три наиболее разработанные — это проект вселенской православной монархии, панславистский и евразийский проекты. То есть первый — это попытка объединения под скипетром россий-

ского царя всех православных стран: «украинский проект» Алексея Михайловича и Никона, «греческий проект» Екатерины II, российско-турецкие войны и борьба за освобождение Константинополя Александра II и Александра III. Второй проект — это попытка собрать под главенством России все славянские земли — как православные, так и католические и протестантские. Еще в XVII в. с панславистской идеей в Россию приехал хорватский интеллектуал Юрий Крижанич; эта идея была особо любима в XIX в., в эпоху романтизма, именно по панславистской модели была создана Югославия. Третий проект — евразийский, разработанный целой плеядой ученых и философов и основанный на стратегическом союзе православных славян с мусульманами — тюркскими народами Евразии. Какому из этих трех проектов отдать предпочтение? Вероятно, тому, который в наибольшей степени основан на общности ценностей, а не интересов.

«Православный» проект основан на общности экзистенциальных, сакральных, историософских и религиозных ценностей; панславистский — на общности этнокультурных и языковых ценностей, а также на мифологеме об общем происхождении; евразийский — на идее общего «месторазвития», на взаимном культурном влиянии, на стратегической общности геополитических интересов. По всей вероятности, для консолидации на основе ценностей культурного и трансцендентного характера наиболее перспективен и актуален в геополитическом отношении именно «православный» проект в современной интерпретации — без теократической и имперской составляющей.

Аргументы противников развития восточнохристианской цивилизационной идентичности России сводятся к тому, что в случае установления приоритетных отношений с православными странами могут ухудшиться отношения с Северным Кавказом, тюркским Поволжьем, Центральной Азией, Ираном. Однако в том-то и дело, что восточнохристианская цивилизация может рассматривать неродственные

в цивилизационном отношении (но родственные в культурном и историческом плане) страны и народы в качестве союзных лимитрофов, с которыми должны выстраиваться приоритетные отношения. То есть, для восточнохристианской цивилизации Польша, Чехия, Словакия, Хорватия, Казахстан — это именно лимитрофы. Но лимитрофы, которые можно включать в ареал своего влияния, — тем более что в российской общественной мысли на концептуальном уровне разработаны стратегии взаимодействия и с тюрками, и со славянами-католиками, главный момент в которых — ответ на вопрос: как собственную цивилизационную и религиозную идентичность сделать не фактором противостояния и «конфликта цивилизаций», а напротив — фактором консолидации, взаимопонимания и «диалога цивилизаций»?

Аналогичным образом формулируется задача для Украины — не превратить во врагов Польшу и крымских татар, для Сербии — удержать на приемлемом уровне отношения с Хорватией и Боснией и Герцеговиной, для Греции и Болгарии — поддерживать отношения с Турцией.

Таким образом, если у православных стран по отдельности и у восточнохристианской цивилизационной общности в целом будут выстроены эффективные отношения с родственными и соседними неправославными странами и конгломератами на основе и общих интересов, и взаимоприемлемых ценностей, это сделает цивилизационную идентичность более устойчивой, привлекательной и эффективной в геополитическом отношении.

Модернизация, демодернизация, постмодернизация в условиях восточнохристианской цивилизации

Россия, Украина, Беларусь и некоторые другие страны, в которых православная культурная и религиозная традиции являются доминирующими и определяющими, после исчез-

новения СССР и закрытия советского модернизационного проекта в начале 1990-х гг. при наличии мощного «вызова» Запада встали на путь вестернизации. Однако, поскольку вестернизация, облаченная в концептуальную оболочку постмодерна, сопровождалась очевидной демодернизацией этих стран и архаизацией обществ, в условиях усиления политической турбулентности и ломки мирового порядка встал вопрос о необходимости поиска альтернативных форм социального проектирования и развития.

Существующий в настоящее время арсенал социального проектирования позволяет производить модернизацию общества на более мягких и тонко подобранных концептуальных основаниях. Если в индустриальную эпоху модернизация означала ломку жизненного уклада и традиционных ценностей, социальную мобилизацию, насильственную урбанизацию, сильный общественный стресс, репрессии против недовольных и прочие «прелести», пережитые советскими гражданами в 1920–1930-х гг., то при нынешних технологических возможностях, существующих в постиндустриальном информационном обществе, практически любые социальные трансформации возможны без массового социального насилия со стороны субъекта модернизации.

Современная социальная теория предлагает незападному обществу три варианта ответа на «вызов» Запада: вестернизацию, догоняющую модель развития (в том числе неомодернизацию как ее разновидность) и постмодернизацию как развитие на основе собственной идентичности¹³. Последний вариант выглядит, на первый взгляд, крайне привлекательно, ибо на словах предлагает постсоветским странам «постмодернизацию-без-вестернизации». Однако в реальности эта теория, пропагандирующая гибкое сочетание ценностей традиционного и модернизированного обществ, как правило, не обладает вообще никаким потенциалом развития. По этой причине ее иногда рассматривают как своего рода ког-

¹³ Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 153–212.

нитивное оружие в условиях глобальной конкуренции, подменяющее смыслы и фактически пропагандирующее «постмодернизацию-как-архаизацию». Джеффри Александер замечает: «В теории постмодерна интеллектуалы показали себе и обществу свободу своего ответа на поражение героического утопизма радикальных социальных движений, ответа, в котором распознается поражение, но не прерывается смысловая связь с этим утопическим миром»¹⁴.

Западу не нужны ни российские ученые, ни украинские инженеры, ни белорусские программисты. Точнее, нужны, но исключительно в качестве трудовых мигрантов — дешевой высококвалифицированной рабочей силы. В условиях глобальной конкуренции вызов Запада заключается еще и в том, что он всеми возможными способами стремится не создавать новых и нейтрализовывать имеющихся конкурентов. В ход идет весь арсенал политических, экономических и когнитивных средств. Например, падение на постсоветском пространстве уровня среднего и высшего образования при помощи внедрения стандартов Болонской системы, замена экзаменов тестами, «экспорт» западной гедонистической модели досуга и массовой культуры без «укомплектования» их соответствующей трудовой этикой, навязывание при помощи грантовой системы определенных научных стандартов и «вирусных» теорий в социогуманитарных науках и т. д. — все это инструменты демодернизации.

Но самый эффективный инструмент (и наиболее болезненный для постсоветских обществ) — это навязывание при помощи лоббистских и информационных технологий той или иной схемы и стратегии модернизации, что сопровождается также крупными кредитами, под определяемые кредиторами условия. Совершенно точно замечает В.Г. Федотова, что в 1990-е гг. российское общество кинулось догонять За-

¹⁴ *Alexander J.C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the «New Word» of «Our Time» // Zetschrift für Soziologie. 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 182.*

пад эпохи первоначального накопления, тогда как Запад уже завершил этап перехода к постиндустриальному развитию. И архаизация в России происходит после того, как она прошла процесс индустриализации¹⁵.

Представляется, что в нынешних условиях ответ на глобальный «вызов» Запада можно дать лишь при сочетании инструментального и ценностного подходов. Инструментальный предполагает, что в современных условиях копирование какой-либо привлекательной модернизационной модели развития контрпродуктивно: скажем, в России и других цивилизационно близких странах для успеха «китайской перестройки» не хватает самого малого — китайцев; для повторения «японского чуда» — не хватает японцев. Поэтому необходим не выбор «правильной» модели, а эффективный менеджмент трансформаций и инноваций.

Ценностный подход означает, что в нынешних условиях актуален не просто грамотный ответ на «вызов» Запада, а создание собственного глобального вызова. Иначе говоря, создание собственного универсального миростроительного проекта.

Кризис любого крупного социального явления, идейно-философского движения, интеллектуального направления или течения в искусстве влечет за собой, как правило, две реакции — постмодернистскую (декадентскую) и авангардную, разница между которыми заключается в отношении к завершившемуся явлению. В первом случае реакция сводится к переосмыслению и реструктурированию уже имеющихся достижений, во втором — напротив, к отрицанию старого и утверждению инновационной модели. Н.С. Автономова описывает эту модель смены культурных и идейных явлений на примере стилей в искусстве. Так, завершение эпохи барокко дало по себе, с одной стороны, постмодернистскую реакцию — рококо, в котором нет концептуальной новизны, но барочная культура эстетизируется и переформатируется,

¹⁵ Федотова В.Г. Указ. соч. С. 226.

и, с другой стороны, реакцию авангардную — классицизм, в котором парадигмы барочной эстетики отрицаются, но взамен выдвигается новая художественная доктрина¹⁶. Похожим образом действуют механизмы смены доминирующих представлений и доктрин в социогуманитарных науках и общественно-политической сфере. У завершающегося проекта «Модерн» есть постмодернистская реакция — различного рода доктрины, размывающие модернистские ценности и институты. Но буквально на наших глазах формируется и авангардная интеллектуальная реакция — теории «сверхмодерна», «альтермодерна», «неомодерна», «археомодерна», консервативно-революционного развития и т. д. Как представляется, восточнохристианская цивилизация имеет в своем арсенале некоторое количество явлений и феноменов, которые могут быть востребованы в качестве инноваций при моделировании новых социальных и миростроительных проектов.

Восточнохристианская антропология как предпосылка новой социальности

Важнейшим достоянием восточнохристианской цивилизации и национальных культур составляющих ее народов являются представления о человеке, его природе, возможностях, жизненных задачах, посмертном существовании, а также о месте в Универсуме и обществе.

Главные различия между восточнохристианской и западнохристианской цивилизациями начинаются именно с антропологических установок — с представлений о смысле жизни и смерти, о грехе, спасении, преображении, должном и недолжном, о труде и посмертном воздаянии, из чего, в свою очередь, вытекают представления о церкви, обществе, государстве и конце света.

¹⁶ Автономова Н.С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 17–22.

Так, центральным в православной антропологии и соте-риологии (учении о спасении и искуплении) является пред-ставление об обожении, теозисе — Отцы Восточной Церкви говорят об изначальной предназначенности человеческой природы к обожению, к стяжанию божественных энергий, к единению с Творцом на энергийном уровне¹⁷. Св. Афанасий Александрийский первым сформулировал эту максиму: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом»¹⁸. Эта идея рассмат-ривается как центральная в религиозной жизни христи-анского Востока — именно вокруг нее вращаются все вопро-сы догматики, этики, мистики¹⁹.

В основе православной антропологии лежит представле-ние о возможности стяжания человеком божественных энер-гий и о единении с Господом на энергийном уровне, полнее всего раскрывшееся в исихазме, о выходе за пределы повсед-невности, о реальности трансцендентного опыта.

«Идеальный человек» в православии — это человек, взя-тый в некоем трансцендентном масштабе, человек, стремя-щийся к обожению и преображению, человек, выходящий за онтологические и антропологические пределы, человек-аб-солют.

Характерно, что в православной этике подобный антро-пологический максимализм фактически рассматривается как норма существования, а не как экстремальная жизненная стратегия для ограниченного круга духовных подвижников.

Секуляризация, начиная с XVIII в., постепенно уменьша-ла значимость религиозных антропологических представ-лений для стран восточнохристианского мира, однако ти-пологически близкие модели «прорастают» уже в светской культуре — скажем, классическую русскую литературу XIX в. и даже отчасти XX в. можно рассматривать как спе-

¹⁷ Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 70–72.

¹⁸ Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М., 1998. С. 150.

¹⁹ Попов И.В. Идея обожения в древневосточной церкви. М., 1909. С. 51.

цифическую форму духовной практики; некоторые исследователи обнаруживают в основании ее смыслов, образной системы и изобразительных средств архетипы соборности и пасхальности²⁰. Примечательно, что ее типический положительный герой — не деятель, а созерцатель. Обобщая, можно сказать, что главный герой русской классической литературы XIX в. — человек преображенный, человек, вставший на путь духовного обновления.

Совершенно иные антропологические представления просматриваются в фундаменте западноевропейской культуры — в контексте католической, а позже и протестантской доктрин «идеальный человек» лишен, по большому счету, подобных максималистских интенций²¹. Трансцендентный опыт рассматривается как удел немногих избранных, «идеальный человек» ограничен определенными онтологическими рамками и сосредоточен на проблеме спасения и искупления, т. е. на проблеме земного существования, а не жизни вечной — проблемы обожения для него не существует. Примечательно, что только в православии существует феномен юродства, в католичестве его нет, а в протестантизме вообще отсутствует монашество и почитание святых.

Разумеется, в западноевропейской культуре еще во времена Ренессанса появляется образ «максимального человека», который позже развивается в алхимических и мистических учениях, в масонстве, у романтиков, у Гете, Гегеля, Ницше, Хайдеггера, Генона.

Эти культурные феномены создали ткань западноевропейской культуры, но, с точки зрения влияния на общественное развитие, это были, в целом, не магистральные, а маргинальные течения. Ткань западноевропейской социаль-

²⁰ См., например: *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995; *Он же.* Пасхальность русской словесности. М., 2004.

²¹ См.: *Карсавин Л.П.* Католичество. Откровения блаженной Анджелы. Томск, 1997.

ности создали иные мыслители — Августин, Фома Аквинский, Декарт, Гоббс, Локк, Адам Смит, Кант, Поппер, фон Хайек. Мейнстримом Запада стало представление о «минимальном человеке» — «человеке юридическом», «человеке экономическом», «человеке физиологическом».

В основе католической модели бытия лежит трехчастное представление о Рае — Чистилище — Аде; согласно же православному учению, есть только Ад и Рай — никакого Чистилища нет. Поэтому и в восточнохристианской социальной этике наблюдаются трудности с понятием об этически нейтральном локусе, который в западной культуре является «земной» проекцией Чистилища. Согласно католическим догматам, в Чистилище в очистительном огне горят души «минимальных людей» — грешников, не получивших прощения, но и не отягощенных смертными грехами.

В современном мире прежняя модель человека, созданная в недрах западной религиозности и культуры, терпит глубокий экзистенциальный и когнитивный кризис — кризис духа и кризис души. Западная цивилизация способна быть генератором новых промышленных технологий и научных открытий, но уже, по всей видимости, исчерпала свои возможности по генерированию новых смыслов существования человека, новых антропологических представлений.

Неслучайно сейчас многие духовно углубленные европейцы и американцы, разочаровавшись в католичестве или протестантизме, а то и вовсе утратив веру, ищут себя в иных религиозных традициях — буддизме, индуизме, исламе, зороастризме, православии, неосинтетических культах, Кабале. В подобной ситуации православная «максималистская антропология» получает шанс быть востребованной как концептуальная, мировоззренческая, ценностная основа для универсального проекта «нового гуманизма», для творческого созидания обновленной и одухотворенной Вселенной, для модернизационных миростраительных проектов.

«Soft Power» восточнохристианской цивилизации

Любая большая общность, в том числе цивилизационная, конструируется прежде всего на когнитивном уровне — на основе общих ценностей, идей, идеалов, представлений, символов, сакральных объектов и текстов, моделей поведения, образа жизни и т. д. В результате, совокупность этих смыслов становится основой «мягкой власти» — «Soft Power».

«Мягкая власть» какой-либо страны, согласно гипотезе Джозефа Ная-младшего, строится на основе сочетания трех основных компонентов — культуры, политических ценностей, уровня влияния на внешнюю политику — и заключается в оказании воздействия на иные страны при помощи ресурса собственной привлекательности²². Однако когда речь идет не об отдельно взятом национальном государстве, а о сообществе стран, имеющих общую цивилизационную природу, потенциал «мягкой власти» должен уточняться, поскольку совокупный ресурс всего сообщества практически не может быть равен сумме ресурсов отдельно взятых стран. Как правило, происходит либо «мультипликационный» резонирующий эффект, как это произошло в свое время с Западом, либо энтропия и рассеивание потенциала.

Проблема России, Украины, Греции и других цивилизационно близких стран заключается в том, что, обладая предпосылками для высокого уровня «мягкой власти», необходимость этого ресурса практически никогда не была осмыслена национальными элитами на концептуальном уровне и не превратилась в реальную проектную задачу или программу сколько-нибудь внятных действий. Именно источением ресурса «мягкой власти» Най поясняет крах СССР в 1991 г.

Кроме того, на протяжении XVIII — начала XX вв. субьектом генерирования ресурса «мягкой власти» была отдельно взятая Российская империя (в которую, правда, входил

²² Най Дж.С. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006. С. 36–37.

ло большинство православных народов), а не сообщество цивилизационно близких стран (многие из которых обрели независимость и освободились от турецкого гнета именно благодаря ей), в XX в. субъектом стал СССР, несмотря даже на то, что формально он позиционировался как атеистическое государство, защищающее не восточнохристианские, а коммунистические ценности. Моносубъектность подобного развития — существование на протяжении нескольких веков лишь единственного православного государства — стала препятствием на пути кооперации усилий, интересов и возможностей стран восточнохристианского ареала в постсоветскую эпоху, поскольку и в Российской империи, и в Советском Союзе на первом месте был имперский уровень идентичности, а цивилизационный уровень не воспринимался как что-то особо самоценное (за некоторыми исключениями — например, за исключением «греческого» проекта Екатерины II или российско-турецких войн второй половины XIX).

Если СССР манифестировал собственные идеологические и политические ценности как универсалистские, обладающие потенциальной актуальностью для любой страны и всего человечества в целом, то после его распада страны постсоветского и посткоммунистического мира, имеющие восточнохристианскую цивилизационную идентичность, не рассматривают себя в качестве генераторов каких-либо общезначимых проектов или импульсов и, за редкими исключениями (например, дипломатическое противостояние по поводу признания независимости Косово), не демонстрируют никакой цивилизационной солидарности и кооперации. На постсоветском пространстве достаточно силен информационный, идеологический и даже геополитический антагонизм между Россией, Украиной, Грузией и Молдавией (Беларуси и Армении удалось уклониться от подобного противостояния).

На первый план вышло самоосознание себя в качестве национальных государств с присущей подобному формату

проблематикой «национальных интересов» и доминированием реальных интересов властных корпораций. При этом Россия пыталась использовать ресурс собственной привлекательности на постсоветском пространстве в форматах СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и Союза России и Беларуси. Однако представление о самоценности цивилизационной идентичности не задействовано ни на уровне политической риторики, ни на проектно-политическом уровне. Чаще всего на первый план выходит апелляция либо к советским ценностям и образам, либо к ценностям западной демократии.

В подобном контексте восточнохристианский мир, на первый взгляд, вообще лишается каких бы то ни было признаков привлекательности, витальности, самодостаточности и обрекается на вечную маргинальность и догоняющее развитие, ведущее к демодернизации и поверхностной вестернизации.

Тем не менее, как представляется, восточнохристианская цивилизация обладает определенным количеством привлекательных свойств, ресурсов и возможностей, некоторые из них в нынешних условиях глобального социально-политического транзита вполне способны обрести статус универсальных — актуальных и для всего восточнохристианского мира, и для западного сообщества, переживающего в настоящий момент кризис ценностей, и, возможно, для иных общностей тоже.

Ресурсом «мягкой власти» в ближайшем будущем вряд ли сможет стать какой-либо сугубо политический проект, за исключением разве что распространения ценностей нравственной политики и нравственной экономики, что на данный момент может восприниматься лишь в качестве деклараций. Но для «внутреннего» потребления могут стать актуальными ценности православной социальной доктрины — представление о миссии «Катехона», о «тысячелетнем царстве», представление о симфонии светской и духовной властей, гармония «двух градов» и т. д.

А вот понимание человеческой природы, ее возможностей и перспектив, ценность антропологического максимализма и нового гуманизма, концепт новой человеческой солидарности, представления о «высшей правде» и «всечеловечности», присутствующие в культурном пространстве православных стран, могут стать актуальным ресурсом привлекательности восточнохристианского мира, а также оказаться востребованными в новом глобальном миростроительном проектировании.

У стран, составляющих ту или иную цивилизационную общность, могут быть разные, иногда даже диаметрально противоположные интересы, однако общность или близость ценностей создает основу для взаимопонимания и долговременного стратегического партнерства.

В нынешней ситуации для эффективного позиционирования самых разных стран может быть актуальным использование двойной идентичности, соединяющей мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна и цивилизационную матрицу. То или иное государство в контексте современной капиталистической мир-системы занимает определенное место, передвигается от периферии к центру, повышая свой международный статус, и обратно — от центра к периферии. Но при этом оно сохраняет принадлежность к своей локальной цивилизации. Если положение государства в мир-системе — это категория интересов, то принадлежность к локальной цивилизации описывается в категориях ценностей²³. Например, Япония и ЕС в рамках капиталистической мир-системы достигли лидирующих показателей по многим по-

²³ В данной ситуации представляется уместной аналогия с социальным статусом личности — жизнь человека также протекает в двойной системе координат: социальной и родственной. Человек может подняться по лестнице карьерного успеха, может обрести влиятельных друзей и знакомых, может потом всё это потерять. Но с родственниками отношения поддерживаются независимо от карьерных успехов либо провалов. Хотя, конечно, у успешного человека всегда больше родственников, чем у бедного.

казателям развития, однако при этом Япония не стала Западом, не превратилась в часть Европы. То есть статус страны в мир-системе является ресурсом «мягкой власти» той локальной цивилизации, к которой она принадлежит.

Проблема субъектности «креативного класса» и создание нового миростроительного проекта

Кризис Модерна и формирование глобального постиндустриального общества, в котором крайне высока ценность нематериальных активов — образов, идей, концептов, идентичностей, символов, мифов, текстов, культурных и технологических образцов, объектов интеллектуальной собственности — порождает представление о программируемости развития — о том, что будущее можно не только прогнозировать, но и эффективно моделировать. Модель «закрытого будущего», в котором вероятность развития событий жестко детерминирована, осталась в эпохе Модерна.

В последнее время в связи с усложнением глобальных связей и систем управления, появлением новых политических субъектов, развитием формальных и неформальных сетевых сообществ, а также в связи с применением когнитивного оружия, гуманитарных технологий, технологий «управляемого хаоса» и ассиметричных стратегий, актуально говорить уже об «открытом будущем». Горизонт прогнозирования в условиях глобализации и повышенной социальной турбулентности снижается, вероятность развития событий детерминирована не так сильно, как раньше, а их вариативность значительно возрастает.

Проектирование и воплощение сценариев по управлению будущим путем скоординированных точечных усилий — задача и род деятельности немногочисленного «креативного класса»²⁴. Но такое управление становится возможным лишь

²⁴ Florida R. The Rise of the Creative Class. NY., 2002.

в случае, если определяющими признаками этого класса в целом и его отдельных наиболее пассионарных и харизматичных представителей будет субъектность, амбициозность, стратегическое целеполагание, а также волевые и рациональные качества. В противном случае, будущее «за них» создадут другие люди — представители иных народов и цивилизаций. Поэтому успешных строителей нового будущего правильнее было бы определить как «амбициозный креативный класс» — «*homo creativus*». «Создание» таких людей — их воспитание, обучение, продвижение на эффективные позиции в социально-политической структуре — становится крайне актуальной задачей для всех стран, претендующих на лидерство в новом мире. Сами же нематериальные активы и технологии «мягкой власти» приобретают исключительное значение «строительного материала», из которого складывается будущее.

Показателем универсальности цивилизационной идеи и идентичности служит их востребованность на общечеловеческом уровне. Восточнохристианская цивилизация обладает всеми предпосылками для того, чтобы генерировать собственные универсальные миростроительные проекты, которые могут быть востребованы как на глобальном, так и на локальном уровне.

Сам генезис восточнохристианской идентичности таков, что идея универсализма заложена в нем на матричном уровне — она наследуется из Византии, а еще раньше — из античности. Как универсалистский развивался и советский проект. Однако на современном этапе развития универсализм восточнохристианской цивилизации не актуализирован — это только возможность, а не сформированное конкурентное преимущество.

В конечном счете, жизнеспособность восточнохристианской цивилизации зависит от креативного потенциала и способности генерировать инновации в масштабе всей мир-системы, а не быть лишь реципиентом чужих влияний. Об-

речение субъектности восточнохристианской цивилизационной общностью имеет два измерения: геополитическое и геокультурное.

Геополитическое предполагает создание геополитической «проекции» цивилизационной общности в формате военно-политического или экономического союза — своеобразного «Поствизантийского Содружества Наций» (термин Димитрия Оболенского²⁵).

Однако нынешнее состояние цивилизационной идентичности и уровня солидарности стран восточнохристианского ареала исключает создание в обозримой перспективе геополитического блока или геэкономического союза. На сегодняшний день восточнохристианская цивилизационная идентичность не является достаточным и эффективным основанием для столь серьезного реформирования политического ландшафта Восточной Европы; к нему не готовы не только интегрированные в западные структуры Греция, Кипр, Болгария и Румыния, не только взявшие курс на подобную интеграцию Украина, Грузия, Черногория, Сербия, Россия, но даже Россия, Беларусь, Армения и Молдавия.

В существующих условиях более актуально установление двусторонних и многосторонних отношений между странами восточнохристианского ареала, актуализация в общественном сознании и в сознании элитных групп цивилизационной проблематики, научные и философские исследования, а также переход из рефлексивной стадии в креативную.

Геокультурное измерение восточнохристианской общности предполагает формулировку, конструирование и популяризацию универсального сверхмодернизационного миростроительного проекта, соизмеримого по масштабу с Большим Модерном или коммунизмом как проектом альтернативной модернизации. И уникальность подобного проекта может заключаться в специфической новой антропологии, в

²⁵ См.: *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

новой онтологии, в попытках формулировать новый дискурс социальности.

В свое время Византийская империя — прямая предшественница нынешней восточнохристианской цивилизации — достаточно длительное время была генератором социального и культурного развития для всей Европы. Россия же и иные цивилизационно близкие страны на протяжении последних трех с половиной веков сосуществовали с Западом в реактивном формате: западный вызов — восточный ответ. Подобная асимметрия отношений свидетельствует о недоразвитой субъектности у восточнохристианской общности. Однако нынешнее состояние размывания Модерна и глобальной турбулентности дает возможность на глобальном уровне реализовывать социальные инновационные проекты даже самым маргинальным субъектам: фигурально выражаясь, последние обрели шанс оказаться первыми.

Но успехи в освоении будущего зависят прежде всего от уровня солидаризации и кооперации восточнохристианских обществ и от субъектности «амбициозного креативного класса». Можно сказать, что для цивилизационного «строительства» нужны «строители» («креативный класс») и «строительный материал» (ресурс «мягкой власти»).

В долгосрочной перспективе у локальных цивилизаций существует три сценария развития судьбы: растворение, столкновение и трансформация²⁶. Первый ведет к утере собственной цивилизационной индивидуальности, второй таит в себе угрозу гибели человечества. Третий следует рассматривать как возможность эффективного развития, сопряженного с сохранением своей индивидуальности.

Не исключено, в условиях восточнохристианской цивилизации надежду на успешность трансформаций, на преобразование социальности и обретение конкурентоспособности перед вызовами новейшего мирового порядка до-

²⁶ Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003. С. 44.

пустимо мотивировать не только характерными для Запада рациональными доводами, но и аргументами, которые характерны для незападных обществ, — например, волей Провидения.

SWOT-анализ восточнохристианской цивилизации

Попробуем исследовать восточнохристианскую цивилизацию с точки зрения соотношения факторов силы, слабости, возможностей и угроз — при помощи матрицы «качественного стратегического анализа» (SWOT-анализа). Эффективность этого метода заключается в том, что с его помощью можно построить стратегию развития, в которой концентрация усилий и ресурсов субъекта тратится не на *решение проблем*, а на *использование собственных возможностей*. Таким образом, создаются предпосылки для того, чтобы взаимодействие субъекта с объектами и иными субъектами происходило по модели *генерирования смыслов и активных действий*, а не по модели изначально проигрышного реактивного ответа на внешние вызовы.

Сила (Strength) — преимущества субъекта

Наличие в истории успешных и конкурентоспособных для своего времени государств (Византийская империя, Древнерусское государство, Болгарское царство, Российская империя, СССР).

Культурное, духовное, религиозное, политическое, государствообразующее, правовое наследие Византийской империи, несущее в себе парадигму греко-римского цивилизационного универсализма.

Социально-политическое и технологическое наследие СССР, опыт советской альтернативной модернизации.

Высокий уровень развития фундаментальной науки и образования, сравнительно высокий уровень развития «человеческого капитала».

Миростроительная субъектность Византии и Древней Руси как генераторов мощных культурных импульсов в масштабе всей средневековой Европы.

Наличие сакральных центров и ценностных ориентиров (представления о Москве и Тырново как о Третьих Риме, о Киеве — как Втором Иерусалиме, о Святой Руси, о Катехоне, о всемирной миссии православного царства в «последние времена», учение о Св. Софии как Премудрости Божьей и т. д.).

Наличие разработанных и актуализированных в культурной памяти православных народов эсхатологических представлений, позволяющих выстраивать стратегическое видение собственного развития и его сверхзадачи.

Наличие внутри цивилизационной общности оригинальных национальных политических культур и политических систем разного типа (российской, украинской, белорусской, сербской, греческой и др.) — с широким диапазоном ценностных установок, представлений, традиций, стереотипов поведения, механизмов управления, но с достаточным уровнем взаимной комплементарности.

Наличие богатого культурного наследия, признанного Западом и изучаемого иными цивилизациями в контексте достижений мировой культуры.

Развитое в русской, украинской, греческой, грузинской и других культурах экстатическое отношение к миру, возможность познания путем озарения, а не логических актов.

Этнокультурная и расовая гомогенность восточных христиан, относящихся к индоевропейской языковой семье (за исключением грузин, представителей большинства православных неславянских народов России — чувашей, татар-кряшенов, вепсов, карелов, удмуртов, молдавских гагаузов, а также православных арабов).

Использование нелатинских алфавитов — кириллического, греческого, армянского и грузинского. (Исключение составляют лишь румынский и молдавский языки, в которых на протяжении их литературной истории периоды использования кириллического и латинского алфавитов чередовались, а также сербский (сербохорватский) язык, у которого под хорватским влиянием есть и латинографичная версия.)

Сохранение большинством православных поместных церквей «старого стиля» (юлианского календаря).

Относительно высокий уровень религиозности в православных странах на данный момент.

Слабость (Weakness) — недостатки субъекта

Низкий уровень цивилизационной солидарности и кооперации, отсутствие внутрицивилизационной геополитической, геоэкономической, идеологической и ценностной консолидации.

Конфессиональная и цивилизационная разделенность славянского мира. Наличие в историческом прошлом опыта религиозных либо конфессионально окрашенных (в 1990-х гг.) войн между различными славянскими народами и странами. Наличие исторического и актуального опыта вооруженных конфликтов между православными странами.

Конфликты этнокультурных идентичностей между родственными православными народами, вследствие чего одни народы могут не признавать существование либо самостоятельность и культурную самодостаточность других (великорусско-украинско-белорусский, болгаро-македонский, сербо-черногорский, румыно-молдавский конфликты).

Отсутствие привлекательной и эффективной этики международных отношений, практика неисполнения международных договоров и договоренностей, распространенный образ православной страны как ненадежного союзника.

Кризис рационального христианского дискурса в культуре православных народов после гибели Византии; попытки его преодоления в середине XVII — начале XX вв. не оказались удачными.

Отсутствие на сегодняшний день большого постиндустриального миростроительного проекта.

Отсутствие успешной и конкурентоспособной в современных условиях социальной и трудовой этики.

Сырьевая ориентация и высокая зависимость от внешних факторов российской и украинской экономик, низкий уровень интеграции в «экономику знаний».

Прозападная ориентация политических элит большинства православных стран, неверие в элитной среде в политическую конкурентоспособность восточнохристианского проекта.

Отсутствие консолидированного субъекта, отсутствие интегративного геокультурного образа (подобного образу «Запада» в западнохристианской цивилизации).

Низкая комплементарность российской и украинской политических культур, препятствующая появлению консолидированного геополитического и геоэкономического мегасубъекта в Восточной Европе.

Неразвитость представлений о самодостаточности, уникальности, неповторимости, эксклюзивности восточнохристианской цивилизационной идентичности, распространение представлений о цивилизационной ущербности и «недоевропейскости» православных стран, устойчивые представления о нахождении генераторов общемирового развития исключительно в среде западной цивилизации.

Различные геополитические и геокультурные приоритеты у разных стран восточнохристианской традиции (Греция, Болгария и Румыния являются членами НАТО и ЕС, Украина, Грузия, Черногория стремятся к интеграции в эти структуры).

Распространенные традиции коррумпированности государственного аппарата и феномен «приватизации» государства корпорацией чиновников.

Слабость миссионерской деятельности православных церквей в настоящее время, недостаточное использование языка современной культуры и арсенала современных информационных технологий (по сравнению с католической церковью и протестантскими церквями и сектами).

Отсутствие православных монархических династий с легитимными претендентами на престол (за исключением потомков сербской династии Кара-Георгиевичей).

Непризнанность восточнохристианской цивилизации Западом в качестве равного субъекта на всем протяжении ее существования. Использование Западом этики двойных стандартов по отношению к странам восточнохристианского ареала. Ни одна из них не входит в «Золотой миллиард», ни одна из элит этих стран не интегрирована в мировую элиту (за исключением отдельных «элитариев» и «нуворишей»).

Возможности (Opportunities) — благоприятные факторы внешней среды

Географическое положение и геоэкономические показатели, позволяющие выстраивать эффективные проекты с участием различных стран восточнохристианского ареала.

Относительная географическая компактность восточнохристианского мира — все входящие в него страны составляют единый массив с общими границами.

На восточнохристианской культурной основе возможно формирование принципиально новой максималистской антропологии, которая, в свою очередь, может стать предпосылкой для поисков и создания нового мирового универсального миростроительного проекта.

Наличие разработанного в богословии Отцов Восточной Церкви учения об обожении как синергии (со-творчестве) Бога и человека и соответствующих духовных практик (иси-

хазм), наличие апофатической гносеологии (постижение Бога через то, чем Он не является) и синергийной методологии по отношению к вопросам свободы и благодати.

Общемировая известность бренда русской классической литературы и русской культуры. Избирательная известность некоторых произведений и феноменов украинской, сербской, болгарской, румынской, армянской, современной греческой культур. Наличие узнаваемых и признанных во всем мире деятелей культуры.

Возможность и необходимость формирования адекватного позитивного «инструментального» отношения к ценностям Модерна (как путем их переосмысления в восточнохристианском цивилизационном контексте, так и путем отыскания их аналогов и прототипов в византийской и древнерусской исторической ретроспективе).

Возросший интерес к православию, православному богословию и религиозной культуре в среде западной интеллектуальной элиты.

Угрозы (Threats) — противодействие внешней среды

Несоразмерность ресурсов и несоизмеримость потенциалов России и остальных стран восточнохристианской общности, затрудняющие партнерство с Россией, во многих странах рассматриваются изначально как угроза собственному политическому и культурному суверенитету.

Различный политический «темперамент» и уровень амбиций России и остальных стран восточнохристианской общности. Наличие специфической российской политической культуры, существенной чертой которой является концентрация властных полномочий у одного субъекта и подавление им иных субъектов, что препятствует созданию эффективных геополитических и геоэкономических союзов на паритетной основе.

Политическая напряженность между православными странами в современных условиях (российско-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 г. и т. д.).

Планомерная интеграция стран восточнохристианского ареала в политические структуры Запада и его сферу влияния.

Отсутствие в контексте восточноевропейской цивилизационной общности, по состоянию на начало XXI в., ценностей и когнитивных конструкций, симметричных западным.

Неадекватное представление о православном христианстве и культуре стран восточнохристианского ареала на Западе (в частности, представления о православном цезарепапизме, об «обрядоверии», об отсутствии «логоса» в богословии и философии).

Стереотипное восприятие в российском общественном сознании России как государства-цивилизации, что умаляет цивилизационную солидарность с иными православными странами.

Появление феномена государства-корпорации, логика существования которого размывает цивилизационные ценности и снижает цивилизационную солидарность в международных отношениях.

Усиление восточнохристианской цивилизационной идентичности в России может уменьшить лояльность неправославных народов Москве.

Сравнительно низкий уровень жизни в странах восточнохристианской общности, непривлекательность постсоветского образа жизни в сравнении с западноевропейскими и даже центральноевропейскими странами.

Таким образом, «качественный стратегический анализ» восточнохристианской цивилизации позволяет сделать вывод о наличии в ее арсенале немалых ресурсов и возможностей, а также о слабости потенциальных субъектов, и, соответственно, о сложности реализации сценариев прорывного развития.

Одна из главных слабостей восточнохристианской цивилизации в целом и входящих в нее стран по отдельности заключается в очевидности ее недостатков и в неочевидности или малой известности ее достоинств и конкурентных преимуществ.

Цивилизации — это не только культурный или хозяйственный феномен, это способ самосохранения больших социальных групп и всего человечества в целом. За любой из локальных цивилизаций стоит своя история, своя правда, свой уникальный образ мира и вечности. Цивилизационное мышление изначально ориентировано на универсальные ценности — именно поэтому актуализация в современном глобализованном мире цивилизационных чувств таит в себе меньше угроз, чем актуализация, скажем, религиозной, этнической, классовой или групповой идентичности.

Сейчас, в условиях усиления хаоса и неопределенности, в ситуации «миротрясения», резко возрастают и риски, и возможности. Надо только суметь избежать рисков и воспользоваться возможностями. Не исключено, что это единственный способ выживания.

